

УДК 140.8:2

***КОНЦЕПЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ
В РУССКОЙ И ЕВРОПЕЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ
КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX СТОЛЕТИЙ***

Акименко Г. В.

*кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры психиатрии,
медицинской психологии и наркологии*

*ФГБОУ ВО Кемеровский государственный медицинский университет
Минздрава России,
Россия, г. Кемерово*

Аннотация. В статье на основе произведений русской религиозной философии рассматривается проблема неподлинного человеческого бытия в современном мире. В исследовании используется сравнительно-аналитический подход, на основе которого сопоставляются идеи европейской философии с концептуальными представлениями русских авторов. Данное сравнение помогает определить дискуссионное поле проблемы человеческой неаутентичности. В работе представлены значимые этапы сопоставления понимания человека в русской и западной философией, связанные с формированием концепции, лежащей в основе антропологии «идеал - реализма», определяется проблема, ее смысловые границы, дается набор понятий и категорий.

Ключевые слова: человек, русские философы, бытие, неподлинность, мышление, мировоззрение, непостижимое, отчуждение.

***THE CONCEPT OF HUMAN EXISTENCE
IN RUSSIAN AND EUROPEAN PHILOSOPHY
LATE XIX - EARLY XX CENTURIES***

Akimenko G.V.

candidate of historical Sciences, associate Professor, associate Professor of psychiatry, medical psychology and narcology

Kemerovo state medical University,

Russia, Kemerovo

Abstract. Based on the works of Russian religious philosophy, the article deals with the problem of inauthentic human existence in the modern world. The study uses a comparative-analytical approach, on the basis of which the ideas of European philosophy are compared with the conceptual ideas of Russian authors. This comparison helps to define the debatable field of the problem of human inauthenticity. The paper presents significant stages in the comparison of the understanding of man in Russian and Western philosophy, associated with the formation of the concept underlying the anthropology of «ideal – realism», the problem is defined, its semantic boundaries, a set of concepts and categories is given.

Keywords: man, Russian philosophers, being, inauthenticity, thinking, worldview, incomprehensible, alienation.

В философии определение понятия существования (лат. *exsistentia/existentia* от *exsisto/existo* - выступаю, возникаю, происхожу, существую как один из аспектов всякого сущего) дает возможность всестороннего истолкования всех проявлений личности, как в теории, так и на практике [2]. Данное утверждение находит свое обоснование в психологии, педагогике, антропологии, этнологии и других гуманитарных науках.

История концепции *exsistentia/existentia* раскрывает существование как философский феномен, который интерпретировался в широком диапазоне значений, отпрожития вообще к подлинному существованию человека.

Концепция существования вошла в широкое теоретическое употребление еще в средневековой схоластической философии.

Концепция существования входит в более широкое теоретическое употребление еще в средневековой схоластической философии и начинает интерпретироваться как актуализация сущности, следовательно, как актуализированная сущность, которая, в терминах Аристотеля, осуществляется из своей потенциальности (*potency*) в актуальности (*act*) бытия.

Осознание необходимости нового осмысления сущности человека сделало данный вопрос архи актуальным в Европе конца XIX - нач. XX в., и, в свою очередь, оказало заметное влияние на творчество русских мыслителей Серебряного века [1].

Главным вопросом того периода был вопрос о личности человека в контексте его деятельности, мышления и мировоззрения. Так, согласно точке зрения Карла Маркса, важнейшим отличием человека от всех других видов бытия является обладание самосознанием и свободой [20]. При этом его духовный мир в процессе социализации оставался неясным [25].

В Европе и России проблема неподлинности человека решалась по-разному. Так, немецкий философ Эдмунд Гуссерль, например, считал, что кризис наук в начале XX века был выражением радикального жизненного кризиса европейского человечества, а конкретный человек несовершенен и неаутентичен [22].

С точки зрения русских философов Серебряного века (Н. Бердяев, И. Ильин, Н. Лосский и др.), в западной философии существовали и продолжают существовать определенные положения, констатирующие факт того, что восприятие человека как отдельного вида среди других существ приводит к утрате личностных черт, являющихся определяющими многих сторон человеческого существования. Работа, которую проделали в этой области представители неокантианские школы нормативно-этического рационализма, внесли весомый вклад в создание современной фундаментальной онтологии.

Обзор литературы и методология. Методология данного исследования основана на сравнительном и диалектическом методах. Сравнительный метод Дневник науки | www.dnevniknauki.ru | СМН ЭЛ № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

позволил провести различительный анализ утверждений европейских и русских философов, а диалектический метод дал основу для многостороннего рассмотрения предмета исследования.

Проблемы, поднятые в рамках научного вклада яркими представителями теософии Серебряного века, обсуждалась на многочисленных конференциях по философии и психологии, а также в журналах, таких как «Философские науки», «Человек. Культура. Общество», «Религиоведение». Автор исходит из того, что вывод о том, что кризис понятия разума приводит к пограничным явлениям в реальности, не является новым и бесспорным.

Методы исследования. Метод сравнительного анализа главным образом был применен к идеям Николая Бердяева (1870–1948), Ивана Ильина (1882–1954) и Николая Лосского (1870–1965).

Материалом для настоящего анализа послужили книги: «Я и мир вещей» (Бердяев, 2007), «Смысл акта творчества» (Бердяев, 1989), «Судьба человека. Очерк парадоксальной этики» (Бердяев, 2003), «Аксиомы религиозного опыта» (Ильин, 2002), «Основание интуиции», «Мир как органическое целое» и «Свобода воли» (Лосский, 1991) и др. Данные работы по праву считаются классикой.

Результаты и обсуждение. Идеи, изложенные Н. Бердяевым в его ранних работах, стали фундаментом предмета исследования. Характеризуя атмосферу своего времени, философ писал: «Творческая дерзость иссякает в господствующем сознании современности. Люди о чем-то думают, о чем-то пишут, но были дни, когда они что-то думали и писали... Может быть, наш век так «научен», что наука о чем-то говорит, а о чем-то не говорит» [8].

Бердяев считал, что общим направлением в европейской философии Серебряного века стало гносеологическое, а это означает, что человек изучает процесс познания и упускает из виду истинные структуры своего бытия [10].

Бесспорно, что познание есть только атрибут бытия, но, и это важно, не самого бытия, поэтому неподлинность вступает в свои права, фиксируя на себе все

усилия и дерзость мыслителей, что в свою очередь с новой силой привело к возрождению учения о субъективизме [3].

Исследования Н. Бердяева в этой области многогранны и могут быть разделены на несколько этапов. Еще в эмиграции он разработал положения, согласно которым дезинтеграция и неподлинность человека как философского предмета из статуса временного явления и общеевропейского проявления эволюционировали в фундаментальное основание [9].

Одним из главных вкладов Н. Бердяева была его концепция относительно абсолютно уникального места человека в Божьем плане и тайны человеческой личности, которая остается скрытой до тех пор, пока мы продолжаем смотреть на человека как на один из компонентов, составляющих мир природы, или рассматривать его с социальной точки зрения.

В самой структуре мира, в «необходимости» его частей друг для друга, в периферийном месте человека в природе и его зависимости от общества Бердяев обнаруживает, что мы живем не совсем в том мире, который создал Бог, и что мы сами не совсем те, кого Он создал. «Великий признак унижения человека виден в том, что он получает свет от солнца и что его жизнь вращается вокруг солнца. Человек должен был быть светом миру; «Логос-Солнце» должен был сиять в самом человеке. Но человек пал, и солнце ушло из него» [7].

Для Бердяева падение человека, его унижение и порабощение злом и греховным состоянием - трагедия не только для него самого, но и для Бога.

Создатель ищет «свое другое я, жаждет его и ждет, когда он ответит на призыв к божественной жизни, божественной целостности, соучастию в творчестве Бога, которое торжествует над небытием» [4]. Именно через человека разрушается мир, но в то же время мир только через него и воссоздается..

Бердяев констатирует, что человек «может увеличить силу Бога», но его творчество связано со свободой и обязательно сопряжено с риском. Человек идет на риск, когда принимает решение в пользу товарищества, любви, веры

или восприятия истины. Каждому творческому акту присущ риск, который преодолевает холод и бремя этого мира, который освобождает мир от рабства и немного приближает нас к «новым небесам и новой земле» [6].

Философ верил в то, что не только человек рискует в этом предприятии, но и Миростроитель тоже рискует. Именно Бог первым взывает к небытию, и весь сотворенный космос можно рассматривать как борьбу с силами небытия. Бердяев ставит под радикальное сомнение идею «всемогущего» Творца, показывая, что это несовместимо с христианским откровением о распятом Боге. «Странно, - пишет он, - что люди отрицают, что в религии креста есть трагедия» [5].

Н. Бердяев резюмировал, что неподлинность бытия является основным качеством присутствия личностной ипостаси человека в тварном мире. Этому посвящена его книга «Смысл акта творчества» (1916). В работах: «Философия неравенства» (1923) и в более поздних работах, таких как «Судьба человека» (1931) и «Рабство и Свобода» (1939). Н. Бердяев дал анализ основных экзистенциальных аспектов, передающих неподлинность человеческого бытия независимо от Бога, Существования, Истины и Свободы [1].

Поэтому поводу Н. П. Полторацкий писал, что этика Бердяева персонифицирована; нравственные суждения и поступки всегда индивидуальны, а значит, они не могут определяться коллективно, социально [21]. Различие между Добром и Злом есть следствие грехопадения. Опираясь на работы Николая Бердяева, он предложил различать три основных типа этических учений: этика права, этика искупления и этика творчества.

С позиции европейских философов средой, определяющей неподлинность человека, является его социальность, которая отражает родовой характер человеческой личности, которая проявляет постоянный набор свойств, присущих любому человеку в разных соотношениях [19]. На этих идеях базировались строгие теории Карла Маркса и Зигмунда Фрейда. Однако, и это показательно, что Николай Бердяев считал, что только Макс Шелер вплотную

Дневник науки | www.dnevniknauki.ru | СМЭЛ № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

подошел к разгадке смысла истинного бытия человека, назвав его духовным; но дух, о котором говорил немецкий мыслитель, был пассивен и лишен творчества и свободы [23].

А социальность, по Бердяеву, есть главным образом область приземленного бытия, где истинны лишь утилитарные и обыденные смыслы. В обществе человек является частью целого, и, следовательно, не свободен.

Универсальность исторического бытия предполагает непосредственную связь со смыслом всемирной истории и не проявляется через абстрактный и несколько трансперсональный характер [24].

По логике соотношения между общим и особенным, универсальным и уникальным, макрокосмом и микрокосмом эти состояния распространяются на весь мир. Человек, обладающий сознанием и разумом, не может не осознавать связи между своим существованием и всеобщим существованием. Утрата этого понимания может ослабить чувство вины и ответственности за собственные действия и мысли. Важно отметить, что Бердяев однозначно делил бытие на подлинное и неподлинное; он считал, что они могут быть положительно преодолены только в творческом порыве и свободе.

В отличие от философии Бердяева И. Ильин видел возможность преодоления человеческой неподлинности не только в выходе за пределы объективации и условий мира.

Иван Ильин был одним из самых ярких представителей эпохи «философского ренессанса» в России и принадлежал к группе выдающихся русских философов XIX–XX веков. По его мнению, человеку всегда нужно дерзать и творить, даже в узах необходимости и обыденности. Философ размышлял о необходимости каждому иметь достаточно мужества и смирения, чтобы признать свою вину и творчески осмыслить ее [11]. В этом отношении творчество, познание есть вплетенное в мысль сознание онтологической «мировой вины», а не только средство выхода за пределы данного мира и объективности. Осознание и ощущение собственной неподлинности не может быть объяснено грехом, Дневник науки | www.dnevniknauki.ru | СМИ ЭЛ № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

виной, укоренившееся падшее состояние человеческой природы. Философ считал, что чувство фальши и неискренности есть результат выпадения «Луча Божия» [17].

Так, Ильин писал, что грех ведет к страданию, а благострадание в свою очередь должно вести живое существо к духовности, самопознанию, очищению, отдаче, религиозной искренности, возвращению в Луч Божий [14].

Для Ильина православные, христианские основания были важнее философских подходов к данной проблеме [12]. В конце концов, нельзя отрицать, что все эти экзистенциалы стали значимой предпосылкой понимания идеи духовного очищения и основанием для познания человеком собственной избранности, восходящей к Богу. Они дополнили общую концепцию приверженности, которая позволяет преодолеть неподлинность человека.

Показательно, что по Ильину, бытие не обладает статической границей между ложью и правдой, свободой и миром, но имеет предпосылку возможности прорыва неподлинности и преобразования ее личным усилием [16].

Важно и то, что неподлинность, с точки зрения философа - неотъемлемая часть блаженного состояния, в котором в равной степени содержатся такие качества, как настойчивость, самообладание и сила характера. Бытие способно вернуть их человеку. Ильин особо подчеркивал динамику между материальным миром и духом. Он утверждал, что человек предназначен для одухотворения собственного тела, а не для материализации собственного духа [13]. Мыслитель безоговорочно соглашался с основными традиционными постулатами русского религиозно-философского мышления, в котором господствовал отказ от стремления к действительности, децентрализации, чрезмерных социальных качеств в человеческой сущности [15].

Дихотомия «периферия - центр» так же была важной - иногда решающей - в творчестве Ильина. По его мнению, денитрация, или потеря центра, и склонность к второстепенным периферийным компонентам человеческого бытия ведет к удалению от луча Бога. Сам центр может быть деформирован, Дневник науки | www.dnevniknauki.ru | СМЭЛ № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

если уделять много внимания второстепенным периферийным значениям и элементам. В результате может измениться целостность личности и, как следствие, ее положение в мире. В этом случае недостоверность предстает как туман «житейских ожиданий» [26].

Другой видный русский мыслитель Николай Лосский также размышлял о недостоверности бытия в теории познания («Интуитивные основы познания», 1904 г.), теории существования («Мир как органическое целое», 1915 г.), в этических текстах («Свобода воли», 1927 г. и «Абсолютное добро», 1949 г.).

Философ так же был признан одним из величайших русских мыслителей XX века главным образом благодаря своей книге, о которой Бердяев писал: «Интуитивное основание познания» Николая Лосского - выдающееся явление не только русской, но и европейской философии. Эта книга не обычная профессорская диссертация, не ценный труд педагога и популяризатора философии, а совершенно оригинальное творение философа» [18].

Заключение.

1. Синтез философии и религии, феномен «религиозной философии» периода Серебряного века уникален в истории мысли. Откровение и рационализация, вера и разум рассматривались как взаимодополняющие аспекты «интегрального знания». Концепция целостности является основополагающим вкладом России в теорию познания. Этот принцип также распространяется на онтологическое измерение, как аксиоматическое единство знания и бытия.

2. Неподлинность человека это особенность свойственная материалистическому существованию, в котором все приводит к гибели и распаду. Неподлинность бытия предполагает взаимную непроницаемость, отталкивание, субъектно-объектное неравенство.

3. Человек овеществлен в своем существовании, но это не гарантирует целостности бытия и истины.

4. Неаутентичность является частью личности и не мешает человеку выйти «за пределы своей индивидуальности».

Библиографический список:

1. Абрамов, Ю.Ф., Акименко, Г.В., Логунова, Г.В. Проблема интеллигенции в России IX-XX века // Очерки историко-социального и философского исследования. - Иркутск: Иркутский государственный университет, 1994. - 125 с.
2. Батищев, Г.С. Введение в диалектику творчества. - СПб.: Изд-во РХГИ, 1997. 463 с.
3. Бёме, Я. Аврора, или Утренняя заря в восхождении. - СПб.: Вита Нова, 2012. 493 с.
4. Бердяев, Н.А. Мирозерцание Достоевского. - М.: АСТ: Хранитель, 2006. 254 с.
5. Бердяев, Н.А. Смысл истории. - М.: Мысль, 1990. 173 с.
6. Бердяев, Н.А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека. - М.: Г.А. Леман и С.И. Сахаров, 1916. 358 с.
6. Бердяев, Н.А. Субъективизм и индивидуализм в общественной истории: Критический этюд о Н.К. Михайловском. -М.: Астрель, 2008. 1005 с.
7. Бердяев, Н.А. Философия неравенства. - М.: Институт русской цивилизации, 2012. 615 с.
8. Бердяев, Н.А. Философия свободы. - М.: Путь, 1911. 278 с.
9. Бердяев, Н.А. Эрос и личность: Философия пола и любви. - М.: Прометей, 1989. 156 с.
10. Бонецкая, Н. Апофеоз творчества (Н. Бердяев и Ф. Ницше) // Вопросы философии. 2009. № 4. С. 85–106.
11. Гайденок, П.П. Мистический революционаризм Бердяева: Вступ. ст. // Бердяев Н.А. О назначении человека. - М.: Республика, 1993. С. 5–18.
12. Гуревич, П.С. Н.А. Бердяев в контексте европейской философии // Вестник славянских культур: науч.- информ. журн. 2015. № 3 (37). С. 13–31.

13. Ильин, И. А. Pro et contra: Личность и творчество Ивана Ильина в воспоминаниях, документах и оценках русских мыслителей и исследователей. - СПб.: Русский Христианский гуманитарный институт, 2004. 118 с.
14. Ильин, И.А. О сопротивлении злу силою. - М.: Республика, 1993.
15. Ильин, И.А. Религиозный смысл философии. Три речи // Собр. соч. в 10 т. М.: Рарог, 1994. - Т. 3. С. 16 – 39.
16. Ильин, И.А. О сопротивлении злу силою / Ильин И.А. Путь к очевидности: Сочинения. - М., 1998. 104 с.
17. Ильин, И.А.: pro et contra. Личность и творчество Ивана Ильина в воспоминаниях, документах и оценках русских мыслителей и исследователей: антология / Сост., введ. и примеч. И.И. Евлампиева. - СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманит. ин-та, 2004. 124 с.
18. Лосский, Н.О. История русской философии. - М.: Советский писатель, 1991. 480 с.
19. Лосский, И.О. Условия абсолютного добра. - М.,1991. 321 с.
20. Маркс, К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. М.: Академический проект, 2010. 775 с.
21. Полторацкий, Н.П. Бердяев и Россия: (Философия истории России у Н. А. Бердяева). - Нью-Йорк, 1967. 262 с.
22. Фёдоров, Н.Ф. Сочинения. - М.: Мысль, 1982. 709 с.
23. Цвален, Р.М. Тринитарная концепция личности у Николая Бердяева и Сергея Булгакова // История философии. 2016. Т. 21. № 1. С. 151–159.
24. Чёрный, Ю.Ю. Философия пола и любви Н.А. Бердяева. - М.: Наука, 2004. 132 с.
25. Шестов, Л. Николай Бердяев. Гнозис и экзистенциальная философия // Н.А. Бердяев: pro et contra. Кн. 1 / Сост. А.А. Ермичева. - СПб.: Изд-во РХГИ, 1994. С. 411- 436.

26. Шестов, Л. Похвала глупости. По поводу книги Николая Бердяева «Sub specie aeternitatis» // Н.А. Бердяев: pro et contra. Кн. 1 / Сост. А.А. Ермичева. СПб.: РХГИ, 1994. С. 169 -181.

Оригинальность 77%